

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Антинемецкие выступления в Любляне в сентябре 1908 г. — страница борьбы словенцев за национальную свободу

В статье рассматривается специфика антинемецких волнений словенцев 18–20 сентября 1908 г. в Любляне, проходивших в условиях общего ужесточения словенско-немецкой конфронтации в начале XX в., а также анализируются их итоги и значение для дальнейшего развития национальной борьбы словенского народа. В ответ на антисловенские выступления немцев в Пуце 13 сентября 1908 г. словенские либералы провели 18 сентября митинг протеста в Любляне, переросший в уличные беспорядки и нападения словенцев на немцев. Это были самые мощные народные волнения в городе со времен революции 1848 г. Уже 20 сентября они были подавлены правительственными войсками, при этом несколько словенцев были ранены и двое убиты. Расстрел словенских демонстрантов имел серьезные последствия. Антинемецкие и антисловенские протестные митинги и демонстрации прокатились по всей империи, немцы возмущались действиями словенских националистов, большинство австрийских славян высказывали солидарность с ними. Одним из последствий сентябрьских выступлений в Любляне стал инициированный словенскими политиками бойкот немцев, не только ущемлявший их национальное достоинство, но и наносивший им серьезный экономический ущерб. Ранее словенские историки оценивали сентябрьские события в Любляне как веху в развитии национального самосознания словенцев, современные исследователи полагают, что им не следует придавать настолько большого значения. В любом случае, антинемецкие волнения в Любляне вызвали среди словенцев подъем национализма, недовольство действиями армии и правительства, резко обострили словенско-немецкие отношения. Они, как и произошедшая через несколько дней аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, дали толчок к более интенсивной разработке словенцами своего варианта программы триализма, уже в январе 1909 г. принятой и католиками, и либералами на заседании крайнского провинциального собрания.

Ключевые слова: словенско-немецкая конфронтация, Любляна, антинемецкие выступления 1908 г., национальное самосознание, расстрел демонстрантов, словенские партии, экономический бойкот

Статья поступила в редакцию: 21 февраля 2024 г.

Статья принята к печати: 29 апреля 2024 г.

Цитирование: Кирилина Л.А. Антинемецкие выступления в Любляне в сентябре 1908 г. — страница борьбы словенцев за национальную свободу // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 43–71. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.2>.

В конце XIX — начале XX в. обострились национальные конфликты в Австро-Венгерской империи, не обошли они стороной и словенские области. Рост национального самосознания словенцев, их культурные и экономические достижения немцы стали воспринимать как угрозу своему положению и противодействовали им. И если в Крайне они уже потеряли свои позиции, то в Нижней Штирии и, особенно, в Каринтии их политика германизации была успешной. Обе стороны боролись за влияние посредством деятельности националистических организаций, экономического давления, агитации в прессе, проведения собраний и демонстраций¹. Пика словенско-немецкая конфронтация достигла во время сентябрьских выступлений в Любляне 1908 г., самых мощных народных волнений словенцев со времен революции 1848 г.

Эти события достаточно часто привлекают внимание словенских историков. Их ход и значение кратко рассматриваются в общих трудах по истории Словении, существуют и специальные исследования, затрагивающие те или иные аспекты этой темы. Марьян Матяшич на основе словенских и австрийских архивных источников проанализировал отношение к ним военных властей², Бранко Горопевшек дал в нескольких статьях подробную и целостную картину волнений и их последствий³. Драган Матич в монографии «Немцы в Любляне» показал выступления словенцев как часть словенско-немецкого конфликта в городе и осветил их интерпретацию немецкой прессой⁴. Рок Стергар рассмотрел их прежде всего как результат националистической пропаганды, нарушившей прежде в целом доброжелательные отношения словенцев и немцев⁵.

¹ Gestrin, Melik 1973: 312–313; Vodopivec 2006: 147–148; Pančur 2005: 36–38.

² Matjašič 1984.

³ Goropevšek 1998a; 1998b.

⁴ Matić 2002.

⁵ Stergar 2012.

Какую же роль, по мнению словенских ученых, сыграли эти события в истории их народа? В 1930-е — начале 1950-х годов они рассматривались историками как веха в развитии национального движения словенцев. Так, Б. Борштник написал, что с тех пор словенская молодежь «навсегда отвернулась от Австрии и начала с твердой верой готовить почву для лучших времен»⁶. Иван Приятель (1875–1937) в книге, вышедшей в 1938 г., обозначил антинемецкие выступления 1908 г. и аннексию Боснии и Герцеговины как начало «освободительного периода» словенской истории⁷, Драготин Лончар (1876–1954) в 1950 г. — как начало «борьбы за национальную свободу». Однако уже в 1952 г. историк-марксист Душан Кермавнер (1903–1975) выделил как переломную дату в словенском национальном движении 1896 г. — создание Югославянской социал-демократической партии⁸, далее в марксистской периодизации началом его нового этапа считалась середина 1890-х годов, когда произошло оформление словенских партий⁹. Василий Мелик (1921–2009) в 1990-е годы разработал принятую в настоящее время периодизацию этапов развития словенской национальной идентичности, в которой определил началом периода югославянства 1909 г.: речь идет о сентябрьских волнениях в Любляне, аннексии Боснии и Герцеговины, вызванной этими событиями активизации национального движения словенцев и разработке ими программы триализма¹⁰. Вскоре после этого Янко Плетерски (1923–2018) отметил, что вопрос о периодизации современной словенской истории требует дальнейшего обсуждения¹¹. В настоящее время историки признают значение сентябрьских событий 1908 г. для развития национального движения словенцев, однако оценивают их более скромно. Как справедливо указал Р. Стергар, «позднейшие интерпретации, придававшие им почти мифическое значение, безусловно, отличались преувеличениями»¹².

В статье анализируется специфика словенских выступлений в Любляне в сентябре 1908 г., их последствия и значение для национально-политической истории словенцев. Привлечение некоторых

⁶ Borštnik 1934: 55–56.

⁷ Prijatelj 1938: 2.

⁸ Pleterski 1998: 147.

⁹ См.: Gestrin, Melik 1973; Pleterski 1977; Pleterski 1979 и др.

¹⁰ Melik 1997: 48–49.

¹¹ Pleterski 1998: 149.

¹² Stergar 2012: 49.

недостаточно изученных или совсем не изученных источников — публикаций словенской прессы, позволяющих провести сравнение позиций противоборствующих словенских партий, воспоминаний В. Равнихара и И. Хрибара, опубликованного выступления последнего в рейхсрате в 1909 г., а также некоторых материалов словенских архивов (протоколов заседаний Совета общины в Историческом архиве г. Любляны¹³ и архива И. Хрибара в Рукописном отделе Национальной и университетской библиотеки в Любляне¹⁴) дает возможность воссоздать более полную картину рассматриваемых событий.

Антисловенские выступления немцев в Птуе

Волнениям в Любляне предшествовали события в Клагенфурте/Целовце и Петтау/Птуе. В Целовце прошли антисловенские демонстрации немцев с требованиями ведения всех административных дел только на немецком языке. В Птуе словенское либеральное Общество свв. Кирилла и Мефодия (ОКМ) организовало ежегодное собрание, желая тем самым показать, что считает этот город, являвшийся наряду с Цилли/Цельем и Марбургом-ан-дер-Драу/Марибором одной из трех немецких твердынь в Штирии, частью словенской территории. Оно действовало в духе призыва национального радикала Г. Жерьява «нападать на противника в его крепостях, которые он построил среди нас и на нашей земле»¹⁵. Немцам не удалось добиться официального запрещения этого собрания, и они призвали штирийских соплеменников противостоять «словенскому вторжению» в их город. 13 сентября произошли столкновения немцев со словенцами, в конечном счете подавленные полицией. Председатель словенской либеральной Национально-прогрессивной партии (НПП) в 1907–1910 гг. Иван Хрибар (1851–1910) писал в воспоминаниях:

Известия об этом нападении вызвали в Любляне, как и во всех словенских землях, колоссальное возмущение <...> особенно потому <...>, что жертв нападения не защищали ни полиция, ни власти округа¹⁶.

¹³ Zgodovinski arhiv Ljubljana.

¹⁴ Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani. Ms. 1411. Hribar, I. Zapuščina.

¹⁵ Goropevšek 1998b: 115.

¹⁶ *Hribar I. Moji spomini*. Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. I. del. Od 1853. do 1910. leta. S. 340.

Он высказал мнение либералов, пресса которых всячески разжигала общественное возмущение «разбойническими нападениями» на словенцев в Птуе и «бездействием» властей¹⁷. Уже 15 сентября либеральный Совет общины Любляны направил в Министерство внутренних дел резкий протест против агрессивных действий немцев. Католики из Словенской народной партии (СНП), одержавшие в том году безоговорочную победу на выборах в провинциальное собрание Крайны, тем самым окончательно утвердив свои позиции как ведущей политической силы в словенских землях, восприняли события в Птуе сдержаннее. Они осудили организаторов собрания ОКМ в Птуе за то, что те пригласили на него слишком мало словенцев и не обратились своевременно за помощью к соотечественникам — тогда «птуйские события вообще были бы невозможны»¹⁸.

К тому же, католики небезосновательно полагали, что стремительно терявшая влияние либеральная партия «наверняка хотела использовать события в Птуе для агитации за свой тонущий корабль»¹⁹. Немногочисленные словенские социал-демократы не одобряли «раздувание национализма» и, назвав действия немецких националистов в Птуе «дикими, brutальными, постыдными», подчеркнули, что нельзя на их основании «обвинять весь немецкий народ»²⁰. В своей газете *Rdeči prapor* («Красное знамя») они высказались о подоплеке птуйских событий весьма резко, но справедливо. После раскола между либералами и клерикалами положение либералов ухудшилось, поэтому организаторам собрания ОКМ, полагали социал-демократы, «потребовалось что-то особенное, что-то необычное, что подстегнуло бы “национальное сознание” и сделало бы общество более популярным». Когда они выдвинули лозунг «В гнездо немшкитаров²¹ Птуй!», было понятно, что птуйские немцы мобилизуются в ответ. Устроители собрания хотели стать «народными мучениками». А для либеральной партии события в Птуе стали, по мнению социал-демократов, поводом публиковать «ядовитые новости», «ударить в большой бубен и начать делать рекламу» для ОКМ²².

¹⁷ Slovenski narod. 1908. 17 IX: 2; 18 IX: 1.

¹⁸ Slovenec. 1908. 18 IX: 3; 19 IX. 2-е приложение к газете.

¹⁹ Slovenec. 21 IX 1908: 1.

²⁰ Rdeči prapor. 1908. 19 IX: 3.

²¹ *Немикутарами* словенские патриоты называли словенцев, отказавшихся от своей национальности и перешедших на сторону немцев.

²² Rdeči prapor. 1908. 23 IX: 1–2.

Организация словенцами митинга протеста

В ответ на выступления немцев в Птуе либералы решили созвать словенцев 18 сентября на митинг протеста в Любляне. Национальные радикалы напечатали несколько тысяч листовок с призывом принять в нем участие²³. В воспоминаниях, где сентябрьским событиям 1908 г. посвящена отдельная глава, Хрибар, на тот момент являвшийся люблянским жупаном (градоначальником), написал, что один из организаторов митинга, либерал Карл Триллер (1862–1926), сообщил ему о его подготовке. Однако словам Триллера, что «если в пятницу в Любляне поднимется небольшой шум, вреда не будет», Хрибар «не придал никакого особого значения, счел их фигуральными». Он сообщил о готовящемся митинге провинциальному президенту Крайны барону Теодору фон Шварцу (1854–1932), и тот выразил надежду, что «он пройдет мирно». Успокаивающие сообщения получал жупан и от полиции, подчиненной магистрату, но, видя, насколько раздражены словенцы, договорился с правительственным полицейским советником Врачком о дополнительных мерах безопасности. Было решено закрыть силами полиции подходы к Казино, клубу, где проводили время немецкие офицеры и солдаты, из опасений, что демонстранты после митинга направятся именно туда²⁴.

Однако эти меры оказались недостаточными. Удержать ситуацию под контролем организаторам не удалось. На одобренном правительством митинге в Городском доме (словенском центре в Любляне) 18 сентября по оценкам австрийских властей собралось около 4000 человек²⁵. Газета словенских либералов *Slovenski narod* («Словенский народ») писала: «Наш сегодняшний митинг будет началом новой, решительной и, без сомнения, — национальной — эпохи Любляны»²⁶.

Первым выступил К. Триллер, отметивший, что в Птуе «процветает немецкий шовинизм», и виноваты в этом «наша излишняя мягкость, а больше всего австрийское правительство». Немцев он сравнил с пивяками, от которых словенцам нужно избавиться. Врач Иван

²³ Goropevšek 1998b: 116–117.

²⁴ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 340.

²⁵ Б. Борштник посчитал эти сведения не вполне достоверными, см.: *Borštnik* 1934: 53.

²⁶ *Slovenski narod*. 1908. 18 IX: 1.

Оражен (1869–1921) посоветовал участникам митинга вести себя мирно, чтобы не дать властям повода прибегнуть к помощи армии и оружию, и призвал по примеру чехов дать ответ немцам «на национально-экономическом поле». Словенцы не должны вкладывать деньги в немецкие банки, покупать немецкие товары. Свои — к своим!

Следует отметить, что подобная стратегия применялась и немцами. Так, незадолго до событий в Птуе немецкое националистическое общество *Züdmark* («Южная марка») издало брошюру, в которой приводился список всех немецких торговцев и ремесленников в Любляне и содержался призыв к жителям покупать товары только у них²⁷. Впоследствии этим списком воспользовались при проведении своей акции словенцы. Франя Тавчар (1868–1938), председатель словенского Всеобщего женского общества, призвала словенок воспитать «сыновей, которые вернут словенской земле словенский Птуй!»²⁸. Как критически заметили в газете *Rdeči prapor*, этот митинг был бы «действительно импозантным и достойным мероприятием», если бы его организаторы позаботились о том, чтобы не накалять обстановку, а вместо этого «несколько молодых неумных людей» устроили демонстрацию²⁹.

Волнения в городе и расстрел словенских демонстрантов

Разгоряченная выступлениями на митинге толпа начала стихийную демонстрацию. В ходе уличных беспорядков словенцы били стекла в принадлежавших немцам домах и зданиях (в том числе в Казино, дворце провинциального президента, Крайнском банке, Филармоническом обществе, детском саду), фонари на улицах, срывали со зданий австрийские флаги, вооружившись палками и камнями, нападали на немцев. Полицейские кордоны были прорваны. Тогда правительство направило в помощь полиции солдат 27-го пехотного полка «Король бельгийцев», недавно перемещенного в Любляну из Граца. Они разогнали толпу и арестовали ряд демонстрантов. «Волнения в городе, конечно, были большими, — вспоминал

²⁷ Govor poslanca Ivana Hribarja v seji poslanske zbornice, dne 16. Marca 1909. Ljubljana: Narodna Tiskarna, 1909. S. 12. См.: Sistory. Zgodovina Slovenije. URL: <https://www.sistory.si/11686/file22902> (дата обращения: 24.03.2019).

²⁸ Slovenski narod. 1908. 19 IX. Приложение к газете.

²⁹ Rdeči prapor. 1908. 23 IX: 1–2.

Хрибар. — Особенно разозлило толпу выступление военных, которые <...> вели себя просто вызывающе», не только создавая кордоны, но и выгоняя людей из общественных заведений. Попытки жупана уговорить людей разойтись по домам были тщетны.

Следующие два дня волнения продолжались. 19 сентября жупан выпустил призыв к горожанам. В нем он убеждал их прекратить беспорядки, направленные против немцев, не участвовавших в птуйских нападениях, «сохранить трезвый ум и спокойную кровь», что будет свидетельством их «сознательности и зрелости». Католическая газета *Slovenec* («Словенец») язвительно (и несправедливо) прокомментировала этот призыв как запоздалый³⁰. В тот же день барон Шварц упрекнул Хрибара в том, что тот не обеспечил должное выполнение городской полицией своих обязанностей, и жупан пообещал ему усилить меры безопасности, а также попросил, чтобы военные поставили кордоны на некоторых проходах к Казино. Однако были закрыты все подступы к центральной площади города — Конгрессной, военные патрули контролировали улицы, и раздражение жителей только росло. В воскресенье 20 сентября к демонстрантам присоединились и словенцы из окрестностей Любляны. Провинциальный президент решил отстранить Хрибара и городские власти от обеспечения безопасности в городе и передать это дело в руки военных. Несмотря на возражения жупана, что волнения уже несколько улеглись, полиция с ними справится и военных привлекать не нужно, Шварц передал все полномочия окружному комиссару Фридриху Матиасу. Хрибар заявил, что снимает с себя ответственность за последствия этого решения³¹. Вечером жупан послал премьер-министру телеграмму с протестом против введения в Любляне осадного положения³².

Ночью 20 сентября выступления словенцев были подавлены правительственными войсками. Поручик Карл Майер, взвод которого патрулировал улицы города, раздраженный поведением толпы и немного выпивший, несмотря на предостережения комиссара Матиаса, самовольно приказал солдатам стрелять по демонстрантам. Несколько словенцев (большинству из них было 17–20 лет) были ранены, семь из них тяжело, и двое — 22-летний работник типографии Рудольф Лундер,

³⁰ *Slovenec*. 1908. 19 IX. 3-е приложение к газете.

³¹ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 342–344.

³² *Slovenec*. 1908. 21 IX: 2.

возвращавшийся с работы в сопровождении невесты, и 15-летний гимназист Иван Адамич — убиты. Юный Адамич перед смертью попросил: «Только не говорите маме о том, что произошло, а то и она умрет»³³.

Словенский либерал Владимир Равнихар (1871–1954), ставший свидетелем расстрела демонстрантов, подробно описал его в заявлении, поданном фельдмаршалу-лейтенанту Карлу фон Лангу, расследовавшему этот инцидент по поручению военного министра. Равнихар гулял с женой и находился у полицейского кордона в толпе народа, где было много женщин и детей. Никто не ожидал несчастья. Он утверждал, что демонстранты (20–30 человек) не кидали камней, просто кричали и свистели. Увидев идущих с ружьями наизготовку солдат, они побежали. Им стреляли в спину. «Предупредительного выстрела не было». «Никто не знал, что солдаты имеют приказ при определенных обстоятельствах стрелять даже просто в ответ на крики и оскорбления». В воспоминаниях Равнихар написал, что после этого он сам еле удержался, чтобы не присоединиться к протестующим³⁴. Хрибар, вечером ездивший по городу и безуспешно уговаривавший горожан разойтись по домам, узнав о случившемся, поспешил к месту событий. Он преградил путь разгонявшим толпу солдатам и сказал офицеру по-немецки: «Разве вам не хватило невинных жертв? Вы стреляли в вооруженную толпу. Перед вами я, жупан. Если вам еще недостаточно того, что вы сделали, прикажите стрелять в меня!»

Те отступили. Разговор с поручиком Майером оставил у Хрибара тяжелое впечатление: тот был убежден, что исполнил свой долг и имел право отдать приказ стрелять невзирая на то, что Матиас не дал ему разрешения. После чего жупан заподозрил, что на утреннем заседании у провинциального президента, куда его не позвали, возможно, было решено для устрашения дать залп по толпе. На следующий день он написал о своих подозрениях министру внутренних дел. Его сообщение послали провинциальному президенту с требованием немедленно дать объяснения. Расстроившийся Шварц пригласил к себе Хрибара и «утверждал, что никаких таких решений <...> на том дополуденном совещании у него не принимали». Хрибар отозвал обвинения³⁵.

³³ Rdeči prapor. 1908. 23 IX: 2.

³⁴ *Ravnihar V. Mojega življenja pot. Spomini dr. Vladimírja Ravniharja*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 75–76.

³⁵ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 347–348.

Восстановление порядка в Любляне и начало антинемецкой акции словенцев

С одобрения министерства внутренних дел Шварц предложил Хрибару руководить восстановлением мира в городе. Жупан поставил ряд условий, которые тот принял после длительных переговоров с венскими властями. Важнейшим требованием Хрибара было: чтобы провинциальные власти дали ему право самостоятельно принимать решения относительно использования жандармерии и городской полиции. Самым неприятным для провинциального президента стало требование жупана отправить армейские подразделения в казармы, поскольку их присутствие будет раздражать людей³⁶.

В тот же день один из соратников Хрибара либерал Данило Майарон сообщил ему, что горожане хотят создать особый комитет для помощи полиции в обеспечении порядка в городе. Хрибар одобрил эту инициативу: «Я буду только благодарен, если горожане сами позаботятся о восстановлении порядка и мира», — и уговорил провинциального президента дать разрешение на создание комитета³⁷. В Объединенный национальный комитет, председателем которого стал Майарон, вошли представители всех трех словенских партий. Газета *Slovenski narod* обратилась с призывом к «братьям из клерикальной³⁸ партии»: Пусть пролитая кровь будет поводом, «чтобы мы позабыли хотя бы на ближайшее время все, что нас разделяет, и объединились хотя бы для общей работы в общих делах и в защиту словенского народа». Мы не успокоимся, пока вся немецкая мощь «не будет сломлена и ее влияние уничтожено»³⁹. Комитет активно помогал полиции восстанавливать мир в городе и успокаивать жителей.

Применение правительственными войсками оружия и гибель Лундера и Адамича вызвали у словенской общественности взрыв возмущения и рост антинемецких и антиправительственных настроений. На следующий день, 21 сентября, жители Любляны, в том числе и многие немцы, вывесили на своих домах черные флаги. В то время в Любляне многие таблички с названиями улиц и вывески на магазинах еще были двуязычными. Словенцы (в основном,

³⁶ Matjašič 1984: 34.

³⁷ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 350.

³⁸ Так либералы называли католиков — членов СНП и ее сторонников.

³⁹ *Slovenski narod*. 1908. 22 IX: 1.

молодежь) срывали их или замазывали надписи на немецком черной краской. Ночью оставшиеся словенско-немецкие вывески скидывали в реку Любляницу. Двухязычных надписей почти не осталось, с удовлетворением констатировало издание *Slovenec*⁴⁰. «Немецкий язык должен сгинуть с люблянских улиц», — призывала газета *Slovenski narod*. И на следующий день радостно отметила: «За один день исчезли немецкие надписи из Любляны, и Любляна получила словенский облик»⁴¹. Хрибара, много лет боровшегося за то, чтобы в Любляне уличные надписи были только на словенском языке, несколько расстроило, что их удаляли спонтанно, без официального разрешения:

[В]незапно начался террор со стороны самих жителей, и я знал, что последствия его не будут положительными, и то, что посредством его будет достигнуто, не сохранится навсегда.

Он поручил полиции следить за тем, чтобы при проведении этой акции не применялось насилие, и арестовывать нарушителей⁴². На внеочередном заседании Совета общины города 23 сентября Д. Майарон с удовлетворением констатировал: «То, чего мы годами безуспешно пытались достичь, в один мах сделано горожанами»⁴³. Жупан ошибался, думая, что удаление уличных надписей и вывесок на немецком языке — временное явление, с тех пор в Любляне все они были только на словенском языке. И это обстоятельство, по словам Р. Стергара, «несомненно, усилило ощущение национальной принадлежности среди словенскоговорящего населения»⁴⁴.

В тот же день словенские вкладчики начали забирать деньги из крупнейшего немецкого банка в словенских областях — Крайнского сбербанка, к чему активно призывали печатные органы и либералов, и католиков, и переводить их в словенский Городской люблянский банк. Уже в первый день, 21 сентября, ими была изъята сумма в 350 тыс. крон⁴⁵. Акция продолжалась, и денежные средства Крайнского сбербанка стремительно сокращались: за первый месяц,

⁴⁰ *Slovenec*. 1908. 22 IX: 1.

⁴¹ *Slovenski narod*. 1908. 21 IX: 1; 22 IX: 1.

⁴² *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 349–350.

⁴³ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T. e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 239 об.

⁴⁴ Stergar 2012: 49.

⁴⁵ *Slovenec*. 1908. 22 IX: 2.

до 19 октября, он потерял 5,4 млн крон, за три месяца — 14,1 млн крон⁴⁶. В начале октября крайние провинциальные власти в правительственной газете *Leibacher Zeitung* («Люблянская газета») опубликовали заявление, в котором подчеркивалось, что Крайнский банк является солидным учреждением, обеспечивающим безопасность вкладов⁴⁷. Они запретили печатать статьи, дискредитировавшие это учреждение, однако Хрибар разрешил их опубликовать в отдельной брошюре. Эта брошюра, в которую вошли запрещенные цензурой статьи, вышла в тысячах экземпляров и активно распространялась среди народа. Немецкие газеты обвинили жупана в том, что он инициировал и поддержал кампанию против Крайнского сбербанка⁴⁸. Хрибар в беседе с министром внутренних дел назвал подобные заявления клеветой и заверил, что считает Крайнский сбербанк надежным, однако подчеркнул, что он «потерял все симпатии в национальных словенских кругах по вине своей ультранемецкой администрации»⁴⁹.

Похороны Адамича и Лундера

На экстренном заседании Совета общины Любляны 21 сентября Хрибар заявил, что демонстрации были не слишком опасны, поэтому нельзя оправдать действия военных, приведшие к гибели «мирных наблюдателей». Он предложил, чтобы Совет общины взял на себя расходы на похороны жертв и призвал общественность к сбору средств на памятник погибшим, а также к «солидарности всех словенцев в борьбе против национального врага». Совет общины принял решение похоронить Лундера и Адамича за свой счет и выделил 1000 крон им на памятник⁵⁰. 23 сентября состоялись торжественные похороны, в организации и проведении которых приняли участие все три словенские партии. На проводы усопших пришло, по оценкам венских газет, небывалое количество народа — 20 тыс. человек из разных словенских краев. Равнихар отметил царившее на них национальное согласие: «В похоронной процессии шагали вперемешку “либералы”, “клерикалы”, “социальные демократы”, светский

⁴⁶ Matić 2002: 353.

⁴⁷ *Leibacher Zeitung*. 1908. 08 X.

⁴⁸ Matić 2002: 352.

⁴⁹ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 350–353.

⁵⁰ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 216–218, 235.

и священник, хозяин и рабочий». И отметил, что жаль, что оно продлилось недолго⁵¹.

Хрибар, выступая с речью на похоронах, выразил надежду, что невинно пролитая кровь жертв побудит словенцев «со всем жаром и до последней капли крови» служить родине, а также «скоро сотворит и другое чудо: чудо братских объятий обеих, сейчас не согласных друг с другом словенских партий, которое так нужно нам, разобщенным и конфликтующим словенцам». Один из вождей либералов, Иван Тавчар (1851–1923), отметил, что «между словенским народом и династией разверзлась пропасть», а социал-демократ Антон Кристан (1881–1930) заявил: «Словенский народ должен исправить то, в чем согрешила австрийская бюрократия, солидной всесторонней работой» и подчеркнул солидарность своей партии со всем словенским народом⁵².

На внеочередном заседании Совета общины, состоявшемся после похорон, жупан рассказал, что накануне посетил больницу, где находились раненые словенцы, и подчеркнул, что большинство из них невиновны, поскольку оказались на месте кровавых событий случайно, а военные расстреливали уже убежавших демонстрантов в спину. Он предложил собрать 1000 крон в помощь раненым (и из личных средств внес с этой целью 100 крон), а также открыть в будущем Городском музее Зал памяти невинных жертв 20 сентября 1908 г. Инициатива Хрибара получила полное одобрение Совета общины⁵³. И. Тавчар выступил с резкой критикой австрийской армии, утверждая, что она «проникнута немецко-националистическим духом» и выразил сомнение в беспристрастности немецких специалистов, которые будут расследовать инцидент в Любляне⁵⁴. К. Триллер раскритиковал провинциальные власти, которые не исполнили свои обязанности и не препятствовали распространению клеветы, направленной против жупана. В резолюции, принятой Советом общины, содержались требования проведения строжайшего расследования, в том числе действий военных, и пресечения клеветнических сообщений, направленных против Хрибара⁵⁵.

⁵¹ *Ravnihar V. Mojega življenja pot.* S. 76.

⁵² *Slovenec.* 1908. 23 IX: 1–2.

⁵³ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T. e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 227–228 об.

⁵⁴ *Ibid.* S. 236.

⁵⁵ *Slovenski narod.* 1908. 24 IX: 1–2.

Реакция словенской и немецкой общественности

Печатные органы всех словенских партий резко осудили действия военных. Газета *Slovenski narod* оценила их как провокацию, «заговор» против словенцев⁵⁶. Возмущение вызывали и кровь «невинных жертв», и первоначальный отказ солдат допустить к раненым словенских врачей, и «празднование» немцами того, что они смогли указать словенцам их место. Вину за произошедшую трагедию либералы возложили прежде всего на провинциального президента. Их газета подчеркнула, что барон Шварц «самовольно отстранил жупана от обеспечения общественной безопасности», что привело к печальным последствиям⁵⁷. И. Хрибар придерживался того же мнения. Он написал, что провинциальный президент во время сентябрьских волнений «доказал полную неспособность занимать свое высокое положение»⁵⁸. Социал-демократы призывали: «С ним надо расчитаться, коренным образом и скорее! Человек, обогранный кровью, ни дня не может быть хозяином провинции!»⁵⁹. Католики отметили, что провинциальный президент поступил непродуманно, послав против демонстрантов 27-й полк, «известный своими антиславянскими настроениями»⁶⁰. Социал-демократы и католики отчасти обвиняли в случившемся и либералов. Газета *Rdeči prapor* писала, что они не должны были подстрекать народ к бойкоту немцев, нельзя было «по русскому примеру устраивать погромы»⁶¹. Наиболее четко позиция социал-демократов была выражена в резолюции Исполкома Югославянской социал-демократической партии о последних событиях в Нижней Штирии и Крайне, принятой 26 сентября. В ней утверждалось, что «националистические партии не стремятся к национальному равноправию, <...> а намеренно провоцируют национальные распри во вред рабочему классу», чтобы втянуть его «в безумную национальную борьбу» и отвратить от его собственных классовых целей. Другим виновником произошедшей трагедии была названа австрийская государственная система.

⁵⁶ *Slovenski narod*. 1908. 21 IX: 1.

⁵⁷ *Ibid.* 22 IX: 1.

⁵⁸ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 354.

⁵⁹ *Rdeči prapor*. 1908. 23 IX: 1.

⁶⁰ *Slovenec*. 1908. 22 IX: 1.

⁶¹ *Rdeči prapor*. 1908. 23 IX: 2–3.

В Любляне «не было серьезного повода» для осуществления военных репрессий, а провинциальное правительство показало полное «незнание местных условий и неспособность выбрать средства для обеспечения общественного мира и порядка», поэтому необходимо провести расследование правомочности использования оружия против демонстрантов и предоставить жертвам компенсацию⁶². Католики утверждали, что надо было проводить митинг 18 сентября днем, его должны были «совместно организовать все словенские партии». Если бы либералы пригласили к участию в нем католиков, то те бы позаботились, чтобы демонстрация была мирной и кровь не пролилась⁶³.

Немецкая пресса, естественно, освещала события противоположным образом. Орган крайних немцев газета *Deutsche Stimmen aus Krain, Triest und Küstenland* («Голоса немцев из Крайны, Триеста и Приморья»), приложение к *Grazer Tageblatt* («Грацская ежедневная газета»), описывал насилия словенцев над немецким населением, обвиняя в подстрекательстве к ним словенские национальные партии. По мнению ее корреспондентов, «во главе бунтовщиков встал люблянский жупан», поскольку беспорядки были в интересах его партии. 24 сентября Немецкий национальный совет Крайны издал обращение к немецким жителям Любляны, в котором сетовал на ущемление прав немцев в городе и провинции, посягательства словенцев на «свободный выбор горожан в сфере торговли и ремесла» и призвал к консолидации немецких сил. При этом в обращении подчеркивалось: «Мы никогда не нарушали мира с нашими словенскими со-горожанами и хотим и дальше жить в мире, но в достойном мире!». Люблянские немцы написали манифест на словенском языке, в котором выступили против клеветы в свой адрес в словенской либеральной прессе, и распространяли его среди «сознательного сельского населения». Немцы считали, что конечной целью «мрачных сил люблянско-го политического подполья» при волнениях в Птуе и Любляне была мобилизация неразумной словенской массы, чтобы она прежде всего экономически, а частично и физически свела счеты с немцами в Любляне и в Крайне⁶⁴.

⁶² Rdeči prapor. 1908. 30 IX: 1.

⁶³ Slovenec. 1908. 21 IX: 1.

⁶⁴ Matić 2002: 346–351, 354.

В течение нескольких дней ситуация в городе нормализовалась. Однако сентябрьские события в Любляне, интерес к которым раздувался националистической прессой, вызвали широкий общественный резонанс. Телеграммы с выражениями соболезнований и уверениями в поддержке словенцев приходили в Люблянну из разных регионов Австро-Венгрии и из других стран, и зачитывались на заседаниях Совета общины. Провинциальное собрание Горицы приняло решение прервать свои заседания «в знак скорби по поводу событий 20 сентября», и его поддержали не только словенские, но и итальянские депутаты⁶⁵. Но, конечно, больше всего телеграмм было получено от словенцев и представителей других славянских народов: от городских общин Праги, Загреба, от представителей чешских и хорватских партий, от славянских депутатов рейхсрата, из Белграда, Брюнна/Брно, Задара, Карловаца, а также Бруклина, Кливленда, Нью-Йорка и др.⁶⁶ Представители российских неославистов тоже проявили солидарность со словенцами. На заседании Совета общины 6 октября Хрибар сообщил: «Русские братья, генерал Володимиров и Боборыкин, положили венок на могилу несчастным жертвам и тем самым выразили соболезнование»⁶⁷.

Словенцы откликнулись на призыв жупана собрать средства на памятник жертвам и в помощь пострадавшим, причем дары приходили не только из словенских, но и из других славянских и не только земель. Например, в архиве Хрибара сохранилось письмо из Бразилии от «предводителя местных славян» словенца Карлоса Штрукеля, в котором тот сообщал, что тамошние общества северных славян «Славия» и югославян «Югославянский Сокол» послали в Люблянну деньги для пострадавших во время сентябрьских волнений, на памятник погибшим, а также членам ОКМ, подвергшимся нападениям в Птуе⁶⁸.

Протестные митинги и демонстрации прокатились по всей империи. Антинемецкие выступления произошли в ряде городов и сел

⁶⁵ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 229.

⁶⁶ См. Протоколы заседаний Совета общины Любляны от 23 сентября, 6 октября, 20 октября, 3 ноября 1908 г. — SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 229–231, 242–245, 256, 265 об.

⁶⁷ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 241 об.–242.

⁶⁸ К. Штрукель — И. Хрибару, Бразилия [sic!], 12 мая 1909 г. — RZ NUK. Ms. 1411. Hriбар, I. Zaruščina. IV.1. Korespondenca. В письме Штрукель упомянул, что хотел организовать митинг протеста славянских обществ в Сан-Паулу. Вероятно, он жил в этом городе или его окрестностях.

Штирии. В Целье 20 сентября перед словенским Народным домом был организован митинг под лозунгом «Мечь за Птуй», на что немцы ответили антисловенской демонстрацией. Антисловенские выступления немцев прошли и в Мариборе. К счастью, военным и полиции удалось предотвратить крупные столкновения. Чешско-немецкие конфликты произошли в Южной Богемии⁶⁹, а 2 декабря, в день шестидесятилетия правления императора Франца Иосифа, в Праге. По сообщениям газеты «Новая Русь», в Праге «столкновения чехов с немцами, полицией и войсками» длились целый день: «Толпа несколько раз собиралась вновь, вступая в рукопашную с драгунами, осыпая их камнями, сооружая баррикады на соседних улицах и заграждая проволокой. Вызванная пехота штыками вновь очистила площадь, на которой остались обломки палок, зонтиков, шляпы, части одежды. Вечером борьба еще более обострилась. В “Королевских виноградниках”, где обе стороны обменялись полусотней выстрелов, и на Карловой площади, где толпа начала воздвигать баррикады и действовали войска, много раненых. Во многих домах и учреждениях выбиты стекла»⁷⁰. Немцы в Вене, Инсбруке и Зальцбурге выразили протест против действий словенских националистов, большинство австрийских славян, напротив, высказали солидарность с ними⁷¹. Славянская и немецкая пресса разжигали страсти, интерпретируя события 20 сентября каждая со своих националистических позиций, подчеркивая «жестокость» другой стороны, на заседаниях рейхсрата неоднократно обсуждались вопросы об инициаторах беспорядков, правомерности действий военных и др.⁷²

Официальное расследование беспорядков

Надежды словенцев на снятие барона Шварца с должности провинциального президента Краины не оправдались. Словенские лидеры настаивали на официальном расследовании трагедии. Глава СНП Иван Шуштершич (1863–1925) уже 23 сентября послал телеграмму

⁶⁹ Подробнее об «эпизодах насилия» в Южной Штирии и Южной Богемии см.: Judson 2006.

⁷⁰ См.: Газетные «старости» (Архив). 03 декабря (20 ноября) 1908 года // URL: <http://starosti.ru/archive.php?y=1908&m=12&d=03> (дата обращения: 28.04.2024).

⁷¹ Goropevšek 1998b: 117–119; Matjašič 1984: 29.

⁷² Stergar 2012: 47.

военному министру с требованием проведения «строгого расследования со стороны абсолютно беспристрастных лиц» для успокоения народа⁷³, словенские интерpellации по этому поводу выдвигались в рейхсрате. Имперские власти, в те дни готовившие аннексию Боснии и Герцеговины, отреагировали на события в Любляне, по мнению словенского исследователя Игора Грдины, «крайне нервно и национально пристрастно»⁷⁴. Проводивший расследование фельдмаршал фон Ланг стремился обелить действия военных. В донесении военному министру 6 октября он однозначно утверждал: в беспорядках в Любляне виновны нерешительность городской полиции, Совета общины и провинциальных властей, не принявших необходимых для их предотвращения мер, а также провокационные высказывания люблянкой словенской прессы. Применение оружия взводом поручика Майера фельдмаршал счел «полностью конституционным действием», поскольку солдаты защищались от агрессии толпы. По его мнению, оно стало следствием «эмоциональной раздраженности солдат взвода и вызывающего поведения демонстрантов, которое привело к тому, что у них сдали нервы»⁷⁵. В отличие от фельдмаршала, провинциальный президент Шварц в сообщении министру внутренних дел дал более объективную картину поведения военных 20 сентября. Он писал, что действия Майера были незаконны, характеризовал их как «убийство», отметил и «враждебное словенцам поведение, и преднамеренно бесцеремонные действия военных». Солдаты 27-го полка, по его словам, в письмах к родным хвастались тем, что участвовали в расстреле, а один из них после произведенных выстрелов даже рукоплескал товарищам. Шварц просил всерьез отнестись к словенским интерpellациям о применении солдатами оружия, поскольку у словенской стороны имеются свидетели событий⁷⁶.

Фельдмаршал Эрвин фон Маттанович (1861–1942) 10 октября предложил центральным властям от имени командования 3-го армейского собрания из Граца применить следующие меры: разрешить для повышения авторитета государства провести «судебное преследование и наказание безответственных подстрекателей, которые виновны в беспорядках»; передать городскую полицию (которая традиционно

⁷³ Slovenec. 1908. 24 IX: 1.

⁷⁴ Grdina 2010: 47.

⁷⁵ Matjašič 1984: 30–31.

⁷⁶ Matjašič 1984: 33.

находилась под началом люблянского жупана) в ведение государства. Он полагал, что люблянские городские и крайнские провинциальные власти представляют большую «опасность для сохранения мира, порядка и безопасности, а также для авторитета государства и вооруженных сил». По его мнению, гражданские власти с самого начала не были способны действовать решительно и своей медлительностью при принятии необходимых мер мешали эффективным действиям военных⁷⁷.

Надежды словенцев на беспристрастное расследование трагедии австрийскими властями не оправдались. На заседании рейхсрата 16 марта 1909 г. Хрибар выступил с пространной речью, в которой подробно по дням описал ход событий и подчеркнул, что вооруженные силы были использованы **«легкомысленно и <...> преступно»⁷⁸**. «Недисциплинированные и плохо обученные» военные действовали **«скорее всего просто из национальной враждебности»** к словенцам. Он утверждал:

То, что произошло 20 сентября в Любляне — позорное пятно в истории австрийской армии, и правительство должно позаботиться о том, чтобы очистить ее от него.

Хрибар призвал депутатов рейхсрата «энергично и бескомпромиссно потребовать от правительства строгого и беспристрастного расследования», ведь «славяне всегда на всех полях сражений проливали кровь за Австрию», и если австрийские народы увидят, что армия может безнаказанно расправляться с подданными империи, это будет иметь «серьезнейшие последствия»⁷⁹. Эта речь Хрибара была издана в либеральной Национальной типографии в Любляне отдельной брошюрой.

Последствия сентябрьских событий в Любляне

Позиция австрийских властей и армии во время сентябрьских волнений в Любляне и при проведении расследования произошедшей трагедии вызвала резкое недовольство словенской общественности. Из-за опасений спровоцировать новую волну протестов открытие памятника императору Францу Иосифу в Любляне даже

⁷⁷ Matjašič 1984: 34–35.

⁷⁸ Здесь и далее выделения текста в брошюре 1909 г., где была опубликована речь Хрибара.

⁷⁹ Govor poslanca Ivana Hribarja. S. 41, 50–51, 63–64.

было перенесено с 4 октября на 2 декабря 1908 г. Жупан Хрибар объяснил это решение тем, что после событий 20 сентября «в Любляне отсутствовало настроение, необходимое для торжественного открытия памятника»⁸⁰. В результате мероприятие проходило под строгим контролем полиции, часть люблянского гарнизона при этом находилась в боевой готовности⁸¹. А в 1910 г., в день рождения императора, кто-то из словенцев поставил перед его памятником ночной горшок — такого поступка по отношению к символу империи раньше невозможно было себе представить. Произошедшее свидетельствовало о начале процесса изменения менталитета словенцев — империя уже воспринималась наиболее радикальными из них не как большая родина, а как государство, которым управляет чужеземный властитель, стремящийся подавить ростки словенской индивидуальности⁸². Близкий социал-демократом писатель Иван Цанкар (1876–1918) уже в 1909 г. отметил, что после сентябрьских событий словенцы окончательно осознали то, что годами находилось в подсознании, а именно, что милитаристские интересы австрийских военных, как и политические интересы правящей верхушки, и жизненные интересы словенского народа являлись взаимоисключающими⁸³.

Одним из следствий сентябрьских волнений в Любляне стало и сильное обострение словенско-немецких отношений. Ранее они, по мнению Р. Стергара, в центре Крайны были вполне доброжелательными и вовсе не такими напряженными, как их позже описывала словенская историография⁸⁴. Об этом, кстати, упомянул в речи в рейхсрате 16 марта 1909 г. и Хрибар: «До 20 сентября, возможно, в монархии не было города, где военные бы жили в таком согласии с гражданскими, как в Любляне»⁸⁵. Д. Матич справедливо отметил, что после сентябрьских событий словенцы возложили на люблянских немцев «коллективную вину за пролитую кровь невинных», хотя те и не были к этому причастны⁸⁶. Инициированный словенскими политиками бойкот немцев,

⁸⁰ Протокол заседания Совета общины Любляны от 6 октября 1908 г. SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 253 об.

⁸¹ Matjašič 1984: 29.

⁸² Кирилина 2019.

⁸³ Matjašič 1984: 28.

⁸⁴ Stergar 1999: 35.

⁸⁵ Govor poslanca Ivana Hribarja. S. 52.

⁸⁶ Matić 2002: 354.

продолжавшийся несколько лет, не только ущемлял их национальное достоинство, но и наносил им серьезный экономический ущерб. Списки немецких торговцев и ремесленников публиковались в словенских газетах. Крайнский сбербанк, вклады откуда словенцы изымали и в начале 1909 г., едва избежал банкротства. Был дан импульс словенизации ряда предприятий, учреждений и обществ. Многовековые экономические, культурные и социальные связи немцев и словенцев начали разрушаться⁸⁷. Национальная напряженность между обоими народами так и не улеглась до Первой мировой войны, их взаимное недоверие и антагонизм уже невозможно было сгладить.

Мощный всплеск национальных чувств объединил на несколько месяцев словенских либералов и католиков. Их сближение сделало возможным единодушное принятие крайнским провинциальным собранием разработанной католиками словенской триалистической программы, предусматривавшей государственно-правовое объединение всех югославянских земель монархии, а И. Хрибар и другие либеральные депутаты присоединились к созданному в ноябре 1908 г. в рейхсрате по инициативе И. Шуштершича Национальному союзу. Этот союз выступал за осуществление идей триализма и находился в оппозиции к правительству Рудольфа фон Бинерт-Шмерлинга (1863–1918), а в феврале 1909 г. объединился вместе с чехами и русинами в Славянскую унию, ставшую крупнейшей группировкой в рейхстаге, но распавшуюся уже в 1910 г.⁸⁸ В Штирии католики и либералы в 1909 г. даже собирались выдвинуть общих кандидатов на выборах в провинциальное собрание, но потом все же отказались от этой идеи⁸⁹. Однако вскоре все вернулось на круги своя, борьба между словенскими партиями вновь обострилась.

Обвинения против жупана Хрибара

В. Равнихар в воспоминаниях подчеркнул ведущую роль либералов в сентябрьских событиях и то, что, к неудовольствию католиков, «симпатии массы склонились в их сторону»⁹⁰. И. Грдина отметил, что

⁸⁷ Stergar 2012: 48.

⁸⁸ Cvirn 2006: 291.

⁸⁹ Goropevšek 1998b: 119–120.

⁹⁰ *Ravnihar V. Mojega življenja pot.* S. 76.

после сентябрьских волнений Любляна «по внешнему виду стала полностью словенским городом, и это означало, что жупан Хрибар осуществил свою политическую цель»⁹¹. Против либерального жупана выступили как немецкие националисты, в том числе и те из них, кто имел хорошие связи в правительственных кругах, так и члены СНП, стремившиеся подорвать позиции его и его сторонников в Любляне. Хрибара стали обвинять и в том, что он был одним из инициаторов беспорядков, и в том, что он не смог взять ситуацию в свои руки. Фельдмаршал Маттанович в вышеприведенном сообщении заявил, что «провинциальное правительство заключило соглашение с организатором движения <...> Иваном Хрибаром <...>, вследствие чего жупан получил бразды правления в свои руки», но не предпринял решительных мер. Из-за этого сложилось совершенно неоправданное впечатление, что достигнутое умиротворение «на самом деле подарок, полученный из рук всемогущего жупана»⁹².

Провинциальный президент Шварц через некоторое время стал утверждать, что именно Хрибар потребовал привлечь военных для пресечения беспорядков (что вовсе не соответствовало действительности). А в июне 1910 г., когда в Вене решался вопрос, оставлять ли Хрибара на посту жупана Любляны, Шварц в докладе вновь напомнил о его роли в сентябрьских выступлениях 1908 г.:

[Д]вуличное, совершенно нелояльное поведение Хрибара, который под предлогом исполнения своего долга выказывал по отношению к демонстрантам благожелательную пассивность, оказало самое неблагоприятное воздействие на расширение волнений. Несмотря на это, позже он не побоялся снова спровоцировать еще и демонстративные заявления люблянского Совета общины против якобы ненужного выступления вооруженных сил с целью ликвидировать нарушения порядка⁹³.

Опорочить действия жупана перед высшим командованием армии постарался и глава СНП Шуштершич⁹⁴. По воспоминаниям Хрибара,

⁹¹ Grdina 2010: 47.

⁹² Matjašič 1984: 34–35.

⁹³ Хрибар опубликовал в воспоминаниях текст «вернопопданейшего прошения» министра внутренних дел императору, в котором тот ссылался на содержание доклада Шварца от 11 июня 1910. См.: *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 488–490.

⁹⁴ Grdina 2010: 48.

в стремлении сместить его с поста жупана политик нашел поддержку у крайних немцев и немшкуртаров⁹⁵. Таким образом, в глазах властей Хрибар стал главным виновником сентябрьских волнений в Любляне, что сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе — в 1910 г. император отказался утвердить его избрание жупаном Любляны и политической карьеры лидера НПП в Австро-Венгрии пришел конец.

Отзвуки сентябрьских событий настигли Хрибара и в 1912–1913 гг., когда возобновилось расследование участия в волнениях 1908 г. молодого словенского ветеринара либерала Адольфа Рибникара (1880–1946). Городские полицейские после отставки жупана изменили свои первоначальные показания. Адвокат Рибникара Фран Новак летом 1913 г. сообщил Хрибару, что во время расследования 1908 г. «по заявлению некоторых стражников, ими владел страх, что они потеряют служебное место, если не дадут положительные показания о Рибникаре». Стражник Иван Пуст заявил, что теперь они могут спокойно все рассказать, поскольку им больше «не надо бояться Хрибара, который тогда был жупаном», и что «в среде городских служащих было общеизвестно, что он выгнал бы со службы любого, <...> кто бы свидетельствовал против какого-нибудь городского чиновника». Однако свидетельств, доказывавших, что Хрибар в 1908 г. оказывал прямое давление на полицейских, чтобы они дали ложные показания, никто не предоставил, так что оснований для возбуждения дела против бывшего жупана не было⁹⁶.

Память о жертвах 20 сентября

О сентябрьских событиях по горячим следам были опубликованы две пьесы — «Кровавая ночь в Любляне» и «Национальные мученики»⁹⁷, художник Иван Вавпотич (1877–1943) написал картину «20.IX.1908». Однако вскоре произошла аннексия Боснии и Герцеговины и связанный с ней международный кризис, и сентябрьские события отошли на задний план. В сентябре 1909 г. словенские либералы хотели организовать траурный митинг в честь годовщины сентябрьских событий, но СНП и провинциальные власти высказались

⁹⁵ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 354.

⁹⁶ Ф. Новак — И. Хрибару, Любляна, 19 июля 1913 г. RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. Hribar, I. Zapuščina. IV.1. Korespondenca.

⁹⁷ Stergar 2012: 47–48; Goropevšek 1998a: 51–58.

против этой инициативы и митинг не состоялся. Но память о жертвах 20 сентября осталась. Имела место и их мифологизация. Если во времена Австро-Венгрии Лундера и Адамича словенцы позиционировали как «невинных жертв» военного произвола, то в Королевстве Югославия трактовка изменилась. В 1933 г. в статье, посвященной 25-й годовщине сентябрьских событий в Любляне, Б. Борштник написал, что эта интерпретация уничтожает «все значение и смысл» жертв Адамича и Лундера, проложивших путь к свободе словенцев⁹⁸. Тогда же сложилась легенда о них как борцах за свободу. Их надгробный памятник — статуя скорбящей женщины скульптора С. Перуцци по проекту архитектора И. Спинчича — был торжественно открыт в Любляне 17 сентября 1933 г. Недалеко от места их убийства была установлена памятная доска. В 1952 г. в их честь была названа набережная Адамича — Лундера в центре Любляны.

Заключение

Сентябрьские выступления в Птуе и Любляне и их последствия можно рассматривать как один из ключевых эпизодов в развитии словенско-немецкого противостояния в монархии Габсбургов в начале XX в. Они не были единичным явлением и стояли в одном ряду с национальными волнениями и в других ее славянских землях. Эти события инспирировали национальные активисты обеих сторон, чья пропаганда была направлена на формирование национальной идентичности немецко- или словенскоязычного населения, на вовлечение его в политическую и экономическую борьбу в защиту своих интересов. Однако словенские либералы, раздувавшие страсти в Любляне, сами не ожидали, что потеряют контроль над ситуацией и их призывы к демонстрации будут иметь такие печальные последствия. Впрочем, их пропаганда во многом достигла своих целей. События 1908 г. стали своего рода спусковым крючком: они вызвали среди словенцев подъем национализма, недовольство действиями армии и правительства, подтачивавшее их верность империи, в результате резко обострились словенско-немецкие отношения и был нанесен ощутимый удар экономическим позициям немцев в словенских землях. В дальнейшем вплоть до распада Австро-Венгрии разрыв между интересами

⁹⁸ Borštnik 1934: 55–56.

национально ангажированных словенцев и немцев, как их понимали они сами, только расширялся, имперская общность все больше отходила для них на задний план. Подавление сентябрьских волнений правительственными войсками и реакция на них австрийской немецкой общественности на время сплотили конфликтующие словенские партии в противостоянии общей национальной угрозе. Поддержка, оказанная словенцам представителями других славянских народов империи, укрепляла в них чувство славянской солидарности, особенно на фоне активно развивавшегося в то время неославистского движения. Однако этот эпизод национальной борьбы сам по себе вряд ли имел бы серьезные последствия, если бы не произошедшая через несколько дней аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Увеличение количества славян в империи укрепило надежды словенских национальных деятелей на то, что они смогут усилить свои позиции в монархии и дало толчок к более интенсивной разработке словенского варианта программы триализма, предусматривавшего объединение всех югославян империи. Эту программу крайнее провинциальное собрание приняло в январе 1909 г., и на ее основных положениях основывалась в 1917 г. принятая Югославянским клубом австрийского рейхсрата знаменитая Майская декларация.

Список исторических географических названий

Брюнн (нем.) — Брно (чеш.)
Карлштадт (нем.) — Карловац (хорв.)
Марбург-ан-дер-Драу (нем.) — Марибор (слов.)
Петтау (нем.) — Птуй (слов.)
Целовец — словенское название Клагенфурта (Австрия)
Цилли (нем.) — Целье (слов.)

Список сокращений

НПП — Национально-прогрессивная партия
ОКМ — Общество Кирилла и Мефодия
СНП — Словенская народная партия
SI ZAL LJU — Zgodovinski arhiv Ljubljana
RZ NUK — Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani
ZRC SAZU — Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti

Литература

- Кирилина 2019 — *Кирилина Л.А.* Как словенцы отмечали памятные даты своей истории в 1908 г. // Центральноевропейские исследования. 2018. 1(10) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, СПб.: Нестор-История. 2019. С. 167–184. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.8.
- Borštnik 1934 — *Borštnik B.* Ob 25letnici septembrskih dogodkov // Kronika slovenskih mest. 1934.1. S. 52–57.
- Cvirn 2006 — *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2006. 320 s.
- Gestrin, Melik 1973 — *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1973. 364 s.
- Goropevšek 1998a — *Goropevšek B.* Kaj takega je mogoče pri nas v Avstriji sedaj v 20. stoletju? Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908 // Septembrski dogodki 1908: zbornik / ed. B. Terbuc. Ptuj: Zgodovinsko društvo Ptuj, 1998. S. 47–61.
- Goropevšek 1998b — *Goropevšek B.* Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908 (spomin na 90-letnico dogodkov) // Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti: mednarodni znanstveni simpozij. Maribor, 16–17 april 1998 / ur. S. Granda, B. Šatej. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 1998. S. 115–123.
- Grdina 2010 — *Grdina I.* Ivan Hribar. “Jedini resnični radikalec slovenski” // Hribarjev zbornik / ur. I. Grdina. Ljubljana: Založba ZRC; Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, 2010. S. 9–82.
- Judson 2006 — *Judson P.M.* Guardians of the Nation. Activists on the language frontiers of imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 332 p.
- Matić 2002 — *Matić D.* Nemci v Ljubljani 1861–1918. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 2002. 598 s.
- Matjašič 1984 — *Matjašič M.* Stališče vojaških oblasti do nemirov septembra 1908 v Ljubljani // Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino. 32. 1984. S. 28–35.
- Melik 1997 — *Melik V.* Problemi v razvoju slovenske narodne identitete // Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas / ur. D. Nečak. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 41–52.
- Pančur 2005 — *Pančur A.* Nacionalni spori // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992 / ur. J. Fischer. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, Mladinska knjiga, 2005. Knj. 1. S. 36–38.
- Pleterski 1977 — *Pleterski J.* Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // Zgodovinski časopis 31. Ljubljana, 1977. Št. 1–2. S. 7–23.
- Pleterski 1979 — *Pleterski J.* O nekaterih vprašanih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno // Zgodovinski časopis 33. Ljubljana, 1979. Št. 2. S. 203–220.

- Pleterski 1998 — *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič, 1863–1925. Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC, 1998. 500 s.
- Prijatelj 1938 — *Prijatelj I.* Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895. Uvod. / ur. A. Ocvirk. Ljubljana: Pri Akademski založbi v Ljubljani, 1938. I. del. Staroslovenci. Obdobje tvornega konservatizma (1848–1860). 146 s.
- Stergar 1999 — *Stergar R.* “Vojski prijazen in zaželen garnizon”. Ljubljanski častniki med prelomom stoletja in prvo svetovno vojno. Zbirka Zgodovinskega časopisa, 19. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 1999. 88 s.
- Stergar 2012 — *Stergar R.* National indifference in the heyday of nationalist mobilization? Ljubljana military veterans and the language of command // *Austrian History Yearbook*. 2012. Vol. 43. S. 45–58.
- Vodopivec 2006 — *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2006. 560 s.

References

- Borštnik, B., 1934. Ob 25letnici septembrskih dogodkov. In: *Kronika slovenskih mest*, 1, pp. 52–57.
- Cvirn, J., 2006. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in Slovenci (1848–1918)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 320 p.
- Gestrin, F., Melik, V., 1973. *Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 364 p.
- Goropevšek, B., 1998. Kaj takega je mogoče pri nas v Avstriji sedaj v 20. stoletju? Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908. In: Terbuc, B., ed. *Septembrski dogodki 1908: zbornik*. Ptuj: Zgodovinsko društvo Ptuj, pp. 47–61.
- Goropevšek, B., 1998. Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908 (spomin na 90-letnico dogodkov). In: Granda, S., Šatej, B., eds. *Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti: mednarodni znanstveni simpozij. Maribor, 16–17 april 1998*. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, pp. 115–123.
- Grdina, I., 2010. Ivan Hribar. “Jedini resnični radikalec slovenski”. In: Grdina, I., ed. *Hribarjev zbornik*. Ljubljana: Založba ZRC, Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, pp. 9–82.
- Judson, P. M., 2006. *Guardians of the Nation. Activists on the language frontiers of imperial Austria*. Cambridge: Harvard University Press, 332 p.
- Kirilina, L. A., 2019. Kak sloventsy otmechali pamiatnye daty svoei istorii v 1908 g. [How Slovenians celebrated memorable dates in their history in 1908]. *Central European Studies*, 1(10). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, St. Petersburg: Nestor-Historia+, pp. 167–184. doi: 10.31168/2619-0877.2018.1.8. (in Rus.)

- Matić, D., 2002. *Nemci v Ljubljani 1861–1918*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 598 p.
- Matjašič, M., 1984. Stališče vojaških oblasti do nemirov septembra 1908 v Ljubljani. *Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino*, 32. Ljubljana, pp. 28–35.
- Melik, V., 1997. Problemi v razvoju slovenske narodne identitete. In: Nečak, D., ed. *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, pp. 41–52.
- Pančur, A., 2005. Nacionalni spori. In: Fischer, J., ed. *Slovenska novejša zgodovina 1848–1992*. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, Mladinska knjiga, knj. 1, pp. 36–38.
- Pleterski, J., 1977. Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904. In: *Zgodovinski časopis* 31. Ljubljana, 1–2, pp. 7–23.
- Pleterski, J., 1979. O nekaterih vprašanjih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno. In: *Zgodovinski časopis* 33. Ljubljana, 2, pp. 203–220.
- Pleterski, J., 1998. *Dr. Ivan Šušteršič, 1863–1925. Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma*. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC, 500 p.
- Prijatelj, I., 1938. *Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895. I. del. Staroslovenci. Obdobje tvornega konservatizma (1848–1860). Uvod*. Ljubljana: Pri Akademski založbi v Ljubljani, 146 p.
- Stergar, R., 1999. “Vojski prijazen in zaželen garnizon”. *Ljubljanski častniki med prelomom stoletja in prvo svetovno vojno. Zbirka Zgodovinskega časopisa*, 19. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 88 p.
- Stergar, R., 2012. National Indifference in the Heyday of Nationalist Mobilization? Ljubljana Military Veterans and the Language of Command. *Austrian History Yearbook*, 43, pp. 45–58.
- Vodopivec, P., 2006. *Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja*. Ljubljana: Modrijan, 560 p.

Liubov A. Kirilina

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.
E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Anti-German Protests in Ljubljana in September 1908 — an Episode of the Slovenes' Struggle for National Freedom

This article examines the specifics of the anti-German riot of the Slovenes on 18-20 September 1908 in Ljubljana, which took place in the context of a general tightening of Slovenian-German confrontation at the beginning of the twentieth century, and also analyses their results and significance for the further development of the national struggle of the Slovenian people. In response to the anti-Slovenian protests by the Germans in Ptuj on 13 September 1908, Slovene liberals held a protest rally in Ljubljana on 18 September, which escalated into street riots where Germans were attacked by Slovenes. These were the most powerful incidences of public unrest in the city since the revolution of 1848. As late as 20 September, they were suppressed by government troops, while several Slovenians were injured and two were killed. The shooting of Slovene protesters had serious consequences. Anti-German and anti-Slovenian protest rallies and demonstrations pervaded the empire, the Germans were outraged by the actions of the Slovenian nationalists, and the majority of the Austrian Slavs expressed their solidarity with them. One of the consequences of the September protests in Ljubljana was a boycott against the Germans initiated by Slovenian politicians, which not only infringed on their national dignity, but also incurred serious economic damage to them. Previously, Slovenian historians assessed the September events in Ljubljana as a milestone in the development of the national self-awareness of the Slovenes; modern researchers believe that they should not be considered to be of so much importance. In any case, anti-German unrest in Ljubljana caused a rise in nationalism among the Slovenes, dissatisfaction with the actions of the army and the government, and sharply worsened Slovene-German relations. In addition to the annexation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary a few days later, the riots gave impetus to the intensified development of the Slovenes' own version of the trialism programme, which was already adopted in January 1909 by both Catholics and liberals at a meeting of the Carniola provincial assembly.

Keywords: Slovene-German confrontation, Ljubljana, anti-German protests of 1908, national consciousness, shooting of protesters, Slovenian parties, economic boycott

Received: 21 February 2024

Accepted: 29 April 2024

How to cite: Kirilina, L. A., 2024. Antinemetские выступления в Люблиане в сентябре 1908 г. — страница бор'бы словентsev за национал'нуи svobodu. *Central-European Studies*, 7, pp. 43–71. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.2>.